

JEL classification: K32, N55, Q23

УДК 351.82:630(571.53)(091)

DOI 10.17150/2308-2488.2021.22(2).302-319

И.В. Курышова

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕСНОЙ СФЕРЕ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

Аннотация. На основе анализа содержания и применения норм права Российской империи второй половины XIX — начала XX в., регламентирующих общественные отношения в лесной сфере, рассмотрены особенности функционирования в Иркутской губернии одного из важнейших институтов природопользования — юридической ответственности за нарушения лесного законодательства. Формирование означенного института является важным проявлением становления системы экологического права в крае. Делается вывод о положительных в целом результатах распространения общероссийского законодательства на территорию Байкальского региона в указанный период. Констатируются региональные особенности института юридической ответственности за нарушение в сфере лесного права — приоритет компенсационной и регулятивной его функций. Подчеркивается возрастание роли лесничеств как структур, осуществляющих привлечение к ответственности (в сравнении с системой судопроизводства), а также практики административного порядка решения дел о правонарушениях и наложения денежных взысканий на нарушителей.

Ключевые слова. Российская империя, Байкальский регион, Иркутская губерния, экологическое право, лесное законодательство.

Информация о статье. Дата поступления 22 апреля 2021 г.; дата принятия к печати 22 мая 2021 г.; дата онлайн-размещения 7 июня 2021 г.

I.V. Kuryshova

*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, the Russian Federation*

FROM THE HISTORY OF THE STATE REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FOREST SECTOR IN THE IRKUTSK PROVINCE AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Abstract. Based on the analysis of the content and application of the law of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX centuries, regulating public relations in the forest sphere, the operating features of one of the most important institutions of nature management in the Irkutsk province, such as legal responsibility for violations of forest legislation, are considered. The foundation of this institution is an important manifestation of the formation of the environmental law system in the region. The conclusion about the general positive results of the spread of the all-Russian legislation to the territory of the Baikal region during this period is made. The regional features of the institution of legal responsibility for violations in the field of forest law are stated with the priority of its compensatory and regulatory functions. The increasing role of forestry departments as structures that carry out prosecution (in comparison with the judicial system), as well as the practice of administrative procedure for resolving cases of violations and imposing monetary penalties on violators, is emphasized.

Keywords. Russian Empire, Baikal region, Irkutsk province, environmental law, forest legislation.

Article info. Received April 22, 2021; accepted May 22, 2021; available online June 7, 2021.

Ситуация с лесным законодательством в современной России свидетельствует о глубоком кризисе этой отрасли права. 4 февраля 2021 г. был принят Федеральный закон № 3-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствова-

ния правового регулирования лесных отношений»¹, ставший пятьдесят вторым по счету набором поправок в Лесной кодекс, принятый в 2006 г. На этом фоне представляется весьма актуальным обращение к историческому опыту регулирования общественных отношений, возникающих в процессе эксплуатации лесных ресурсов — одного из основных природных богатств России.

В ряду правовых норм, призванных обеспечить рациональное использование лесных ресурсов, в силу специфики правовой области (регулирование природопользования) особое место занимают те из них, что устанавливают ответственность за правонарушения. Исторически сложилось представление о том (и не только в России), что нарушение норм природопользования не должно за собой повлечь такой же тяжести наказание, как то, что следует за нарушением норм человеческого общежития. О причинах такой «диспропорции» взглядов можно спорить, но сама она очевидна. В этой связи традиционно выделяемые юристами важнейшие функции юридической ответственности — карательная, предупредительная и воспитательная — теряют свое значение и уступают приоритет функциям праввосстановительной (компенсационной) и организующей. Их значение тем больше, чем значительнее масштабы (географические, геоэкономические, порой — и геополитические) природопользования. Байкальский регион, в современной России — один из базовых районов лесодобычи и лесопереработки, имеет в этом смысле свой заслуживающий внимания значительный опыт.

Одним из основных источников права Российской империи, предусматривавший ответственность

¹ О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования лесных отношений : Федер. закон от 04 февр. 2021 № 3-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040014>.

за правонарушения в лесной сфере в XIX в. был Устав лесной, включенный в восьмой том Свода законов Российской империи². На протяжении XIX и начала XX в. было издано несколько редакций Лесного устава (в 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг.). Редакции отражали изменения, происходившие в социально-экономической и политических сферах Российской империи, и содержали, помимо прочего, нововведения, отражающие развитие института юридической ответственности за нарушения лесного законодательства.

Лесной устав 1842 г. в качестве наказания за нарушения лесного законодательства предусматривал в большинстве случаев денежное взыскание. В редакцию 1857 г. вошла специальная книга V «О взысканиях и наказаниях за нарушение лесных законов», состоящая из двух разделов. В первом разделе рассматривались материальные нормы ответственности в зависимости от целевого использования и «владельческой» принадлежности («казенные леса», «корабельные леса», «казенные леса, приписанные к промыслам, заводам и фабрикам» и т.д.), во втором — процессуальные нормы судопроизводства по делам о нарушении лесного законодательства с учетом «владельческой» принадлежности лесов. Последующие редакции также структурно выделяли главу об ответственности за нарушения в лесной сфере, при этом вносились изменения как в название главы, так и в ее содержание. Так, редакция 1905 г. сохранила самостоятельную книгу VI с названием «О взысканиях и наказаниях за нарушение лесных законов и о порядке производства дел о преступлениях и проступках по лесной части», состоящую из двух разделов. Однако принцип деления на главы был новым, особенно это отчетливо проявилось в первом разделе, который был разделен на две главы: «О взысканиях и наказаниях за нарушение законов о

² Устав Лесной // Свод законов Российской империи. Т. VIII. Ч. 1. СПб., 1912. С. 1-122.

лесах» и «О взысканиях за нарушение правил Положения о сбережении лесов». Количество статей тоже существенно сократилось (со 131 до 28), что связано с объективными причинами: часть правовых норм потеряла актуальность, другая часть была унифицирована, убраны повторяющиеся нормы. Важно отметить, что многие статьи этой главы были отсылочными — к нормам «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», а также «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Статьи такого рода сохранились и в предыдущих редакциях, но в редакции 1905 г. их было уже более 32 % [1, с. 159].

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», принятое в 1845 г. и имевшее несколько редакций (1857, 1866, 1885 гг.), содержало обширный список преступлений и проступков в лесной сфере, за которые предусматривались суровые санкции. Этому, в частности, была посвящена XVIII глава седьмого раздела Уложения (в редакции 1885 г.) — «О нарушениях постановлений о лесах»³, состоявшая из двух отделений: «О нарушениях постановлений о казенных лесах» и «О нарушениях постановлений о частных лесах». Статьи данного раздела стали развитием норм Уложения редакции 1845 г., которые впервые вводили ответственность за порубку казенного леса в не отведенном участке, за поджог казенного леса, за рубку казенных лесов по берегам рек и т.п., а также за бездействие, повлекшее причинение ущерба лесам, что в совокупности стало «существенным шагом вперед в развитии уголовно-правовых норм лесоохранной направленности, поскольку заложило основы современного представления об объективной стороне преступлений в сфере лесопользования» [2, с. 106].

³ О нарушениях постановлений о лесах (в составе «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных») // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1912. С. 79–80.

Еще одним источником, регламентирующим ответственность за нарушения лесного законодательства, стал «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми Судьями»⁴, введенный в 1864 г. в ходе реализации судебной реформы Александра II. Часть норм о «маловажных» проступках была выделена из Уложения о наказаниях и переведена в этот устав. В редакции Уложения 1885 г. и его дополнения 1906 г. насчитывалось около 50 составов правонарушений в лесной сфере, которые можно разделить на собственно «лесные» (рубка растущего леса, вырубка деревьев не той породы или запрещенных к вырубке в казенных лесах, умышленный поджог леса и др.) и связанные с ними опосредованно правонарушения (нарушение правил сплава леса, неповиновение чинам лесной стражи и др.).

В названных трех нормативно-правовых актах Российской империи были заложены основы института юридической ответственности за нарушения лесного законодательства. Анализ норм, в них содержащихся, позволяет охарактеризовать состав лесных правонарушений по нескольким основаниям: по степени общественной опасности деяний, по структуре состава правонарушений, по видам наказания, по действию норм права в пространстве. В историко-правовой литературе высказываются довольно противоречивые точки зрения по поводу определения вида ответственности за правонарушения в лесной сфере. Одни ее идентифицируют как ответственность уголовную (по крайней мере в той основной своей части, которая включает имущественные нарушения и «деяния против личности», которые могли быть совершаемы в ходе противоправных действий участников соответствующих отношений), другие считают, что большую часть правонарушений в лесной сфере нельзя квалифицировать как преступления, поскольку, во-первых,

⁴ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми Судьями // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1912. С. 203–234.

некоторые составы правонарушений, содержащиеся в Лесном уставе, не повторялись в уголовном законодательстве, во-вторых, производство по значительной части «лесных дел» носило внесудебный административный характер, в-третьих, санкции за нарушения лесного законодательства как правило предусматривали возмещение имущественного ущерба [3, с. 89, 93].

Открытость вопроса об определении видов юридической ответственности за нарушения лесного законодательства до конца XIX в. абсолютно никак не влияла на пользование лесными ресурсами на большей части территории Российской империи — указанные нормативно-правовые акты не распространялись на Сибирь. Наличие огромных лесных ресурсов, удаленность от центра, отношение к Сибири как к сырьевому придатку, — все это приводило к практически бесконтрольному пользованию сибирскими лесами, в том числе — лесными богатствами Байкальского региона. До середины XIX столетия не проводилось даже сколько-нибудь значительных исследований лесных пространств региона, хотя сибирская администрация неоднократно выступала с инициативами по принятию мер к сбережению лесов.

В Байкальском регионе ситуация кардинально изменилась в конце XIX в. — в связи с начавшимся в 1895 г. процессом организации лесничеств. Казенные леса Иркутской губернии и Забайкальской области были переданы в ведение Лесного департамента, что привело к распространению общероссийского лесного законодательства (в том числе рассмотренных выше нормативно-правовых актов, составляющих правовую основу ответственности за нарушения в лесной сфере) на территорию Байкальского региона. Изменение фактического статуса Сибири в составе Российской империи (с «колонии» на «составную часть»), одним из проявлений которого было и распространение на Сибирь природоохранного законодательства, стало

следствием развития капиталистических отношений в России, которое требовало расширения ресурсной базы отечественной промышленности, решения «крестьянского вопроса», формирования новой модели государственного управления.

В Иркутской губернии в 1898 г. было образовано семь лесничеств, в 1906 г. их насчитывалось тринадцать, в 1914 г. на территории губернии функционировало шестнадцать лесничеств [4, с. 187]. В Забайкалье в 1895 г. были образованы четыре лесничества, территории которых с 1909 по 1917 г. были раздроблены на более мелкие [5, с. 85]. К функциям лесничеств относились регламентация пользования лесом, в частности — выписывание лесорубочных билетов, учет и контроль за отпуском лесных материалов, охрана лесов от пожаров и самовольных вырубок. Именно лесничества определяли наступление юридической ответственности за нарушения лесного законодательства, имевшей в Байкальском регионе некоторые особенности.

Статистические отчеты лесничеств Иркутской губернии содержат информацию о делах по нарушению Лесного устава по четырем составам: 1) самовольные вырубки; 2) провоцирование пожаров; 3) нарушение «правил хозяйства» (жжение угля, разделка леса и в неположенном месте и т.п.) и безбилетный сплав; 4) незаконная пастьба. Представление о масштабах зафиксированных нарушений можно получить из табл. 1⁵.

Как видим, самым распространенным нарушением в сфере лесопользования в Иркутской губернии на

⁵ Следует отметить, что отчеты лесничеств не всегда содержали полные сведения о деятельности лесничих и лесной стражи, зачастую заполнялись с ошибками (ответы не соответствовали вопросам, совокупность слагаемых не равнялась сумме, заголовки граф изменялись, приводились ненужные сведения), а иногда отдельные сведения отсутствовали. Все это не позволяет представить анализ статистических отчетов за весь рассматриваемый период и по всем лесничествам, поэтому при анализе используются выборочные статистические данные.

Таблица 1

Сведения о делах по нарушениям Лесного устава
в Иркутской губернии (за 1898 и 1901 гг.)*

Количество дел	По самовольным вырубкам		По пожарам		По нарушению правил хозяйства и безбилетному сплаву		По незаконной пастьбе	
	1898	1901	1898	1901	1898	1901	1898	1901
Оставшихся от прежних лет	56	310	3	41	0	2	4	16
Возникших в отчетном году	138	586	32	41	0	12	9	3
Итого	194	896	35	82	0	14	13	19

* Составлено по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 7. Д. 38346. Л. 37; Оп. 8. Д. 43638. Л. 143.

рубеже XIX–XX вв. были самовольные вырубки («порубки» по терминологии того времени). Определение состава подобного правонарушения отличалось скрупулезностью. Первым этапом в процессе преследования нарушителей являлась фиксация самовольной вырубки, которая должна была быть проведена с особой тщательностью и соблюдением всех формальностей. Служащий лесничества, проводивший осмотр места происшествия, должен был замерить толщину оставшегося после вырубки пня, поставить номер протокола, год и клеймо. Все сведения необходимо внести в специальную книгу и оформить протокол. Оформление протоколов было регламентировано Уставом уголовного судопроизводства. Протокол могли составлять лесничие, кондукторы, уполномоченные объездчики и лесники (последние — если сумма ущерба не превышала 25 р.). При составлении протоколов должны были присутствовать полицейские или представители сельской власти, а также не менее двух

понятых. Протокол составлялся и в тех случаях, если вырубку совершали неизвестные лица, после чего начинался розыск подозреваемых представителями лесной стражи при помощи полиции и сельских властей. Время составления протокола было законодательно регламентировано: в случае обнаружения виновного на месте совершения преступления лесником или объездчиком, протокол должен был быть оформлен незамедлительно, если виновник на месте обнаружен не был — в течение трех суток со дня обнаружения самовольной вырубки лесничим или кондуктором. Протокол должен был содержать сведения о месте, времени, объеме вырубки, личности нарушителя, свидетелях и понятых, стоимости похищенного леса. Место совершения правонарушения, указанное в протоколе, определяло подсудность, а время — срок давности (при краже леса — два года, при самовольной вырубке без вывоза леса — один год, прочие нарушения — шесть месяцев). Объем вырубки определял ущерб, который нарушитель должен был компенсировать. Чаще всего, протокол был единственным основанием для рассмотрения дела. Если размер ущерба не превышал 5 р., представитель лесничества должен был оформить постановление о наложении взыскания в пользу казны на месте, если ущерб составлял свыше 5 р., то протокол о правонарушении лесничество должны были отправлять губернскому Управляющему государственными имуществами. Управляющие государственными имуществами и лесничество могли оформлять административное постановление о наложении денежного взыскания на обвиняемого в самовольной порубке (согласно ст. 155, 156, 158, 161 и 164 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»). Нарушитель мог оплатить штраф несколькими способами: незамедлительно, на месте правонарушения; в течение двух недель; в рассрочку, сроком от шести месяцев до одного года; отработать взыскание

в лесничестве. Размер штрафа определялся, исходя из утвержденной таксы. Обязательным условием для нарушителя являлся возврат похищенных лесоматериалов (при краже леса). Пометка об этом должна была содержаться в постановлении. Оплата могла быть совершена в местном казначействе, в кассе лесничих или передана непосредственно лицу, оформлявшему постановление⁶.

Представленные в табл. 1 сведения дают возможность очертить намечавшиеся на рубеже XIX–XX веков в Иркутской губернии тенденции развития института юридической ответственности за нарушение лесного законодательства. Во-первых, с начала XX столетия начинают фиксироваться нарушения «правил хозяйства» и безбилетный сплав. Во-вторых, отмечается резкий рост дел по самовольным вырубкам (увеличение на 702 дела) и по пожарам (на 47 дел). Общее число дел, бывших в производстве, заметно увеличивается — с 242 до 1 011 (в четыре раза), в основном — за счет самовольных вырубок, удельный вес которых в общем числе дел увеличился с 80 % до 89 %. Сумма взысканий в пользу казны в 1901 г. в сравнении с 1898 г. возросла на 12 380,88 р. 171 дело (13,6 %) было инициировано лесничими и их помощниками, 1 069 дел (85,4 %) — лесной стражей⁷.

Общую тенденцию увеличения числа возбужденных дел и, соответственно, суммы взысканий, подтверждают данные известного сибирского ученого-лесовода А.А. Строгого (табл. 2).

Как видно из таблицы, суммы штрафов, взысканных с нарушителей за самовольные рубки по Иркутской губернии, нестабильны и значительно отличаются по годам. При этом, как можно судить по

⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

⁷ Рассчитано по: РГИА. Ф. 387. Оп. 7. Д. 38346. Л. 37; Оп. 8. Д. 43638. Л. 143.

Таблица 2

Административные взыскания за самовольные
вырубki леса по Иркутской губернии в 1904–1908 гг.*

Год	Число возбужденных дел	Сумма взысканий (р.)	Средняя сум- ма штрафа за одно дело (р.)
1904	325	7 806	24,02
1905	243	21 628	89,00
1906	317	12 256	38,66
1907	256	10 514	41,09
1908	584	51 270	87,80

* Составлено по: [6, с. 115].

источникам, убытки от самовольных вырубок существенно превосходили штрафы. «Самовольничать» было очень выгодно, так как в случае задержания нарушитель отделялся небольшим штрафом, а в случае успеха — мог реализовать лес по выгодной цене.

Выгоды самовольных порубок иногда толкали на преступления даже чинов лесной стражи, не избалованных государством, оценивавшим их нелегкий труд не слишком достойно. Известны случаи злоупотребления чинами лесной стражи своим служебным положением. Так, например, в 1914 г. лесной кондуктор Ленского лесничества Иван Несмеянов был обвинен в том, что неоднократно получал деньги от крестьян на выкуп лесорубочных билетов, не вносил их в казну и не записывал в денежную книгу, а присваивал себе, не возвратив их и после раскрытия злоупотребления. Кроме этого, Несмеянов не выдавал крестьянам полагавшихся лесорубочных билетов (видимо, вымогая взятки), подделывал квитанции, приказы, расписки⁸. В Култукском лесничестве был зарегистрирован случай, когда объездчик Петкевич потребовал сумму в 2 р. 50 к. от крестьян за прекращение дела, получил ее,

⁸ Рассчитано по: РГИА. Ф. 387. Оп. 7. Д. 38346. Л. 37; Оп. 8. Д. 43638. Л. 143.

после чего вышел на улицу и порвал протокол со словами: «Платы больше не будет, мы сошлись любя»⁹.

Если нарушитель был не согласен с административной мерой наказания, то дело должно было рассматриваться участковыми мировыми судьями в общем порядке, установленном для дел о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны. При передаче дела в мировой суд кроме протокола лесная администрация должна была представить доказательства, смягчающие или отягчающие вину. Перечень наказаний, закрепленных в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», был достаточно широк: от незначительного штрафа до лишения свободы. Наказание зависело от умысла правонарушителей, нанесенного ущерба, от того, в который раз виновный совершил правонарушение. Так, например, самовольная порубка, совершаемая в первый раз, наказывалась штрафом не более 50 р., во второй — арестом до трех месяцев, в третий — заключением в тюрьму до шести месяцев. Если то же самое правонарушение совершалось хотя бы и в первый раз, но в заказных, водоохранных или защитных лесах, или группой лиц из-за корыстных побуждений, виновные подвергались лишению свободы до трех месяцев. Законодатель предусматривал наказание за покупку и укрывательство заведомо похищенного или самовольно срубленного леса, за заготовку леса в неразрешенном месте, за поджог леса (умышленный и неосторожный) и т.п.

Как следует из табл. 3, количество привлеченных к ответственности за самовольные вырубki — самый распространенный вид правонарушений в лесной отрасли — увеличилось за два года на 634 чел. При этом лиц, привлеченных к суду, значительно меньше, чем наказанных в административном порядке: в 1898 г. — около 19 % (28 из 150), в 1901 г. — около 21 % (167 из

⁹ ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2158. Л. 16.

Таблица 3

**Сведения о лицах, привлеченных к ответственности
за нарушения Лесного устава в Иркутской губернии
(за 1898 и 1901 гг.)***

	1898		1901	
	Кол-во чел.	Взыскание в пользу казны (р.)	Кол-во чел.	Взыскание в пользу казны (р.)
По самовольным вырубкам	125	2 618,17	759	9 599,91
По пожарам	20	78,09	3	15
По нарушению правил хозяйствования и бесплатному сплаву	–	–	15	401
По незаконной пастьбе	5	9,60	2	6
Приговорено по суду	28	353	167	1 078
Административным порядком	122	3 132,75	612	7 611

* Составлено по: РГИА. Ф. 387. Оп. 7. Д. 38346. Л. 38; Оп. 8. Д. 43638. Л. 144.

779). Рост количественных показателей преследования нарушений в досудебном порядке сопровождался обострением проблемы взимания денежных взысканий. Ярко выражена тенденция затягивания рассмотрения в суде дел тех нарушителей, которые прямо или косвенно уклонялись от уплаты штрафов.

Итак, в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. активно развивалось законодательство, регламентирующее лесопользование, формировались базовые основы института юридической ответственности, однако эти правовые нормы долгое время не распространялись на сибирские территории. В связи с развитием капиталистических отношений, аграрным, промышленным, транспортным освоением Сибири в конце XIX — начале XX в. встал вопрос правовой регламентации лесопользования в регионе. Образова-

ние лесничеств в Байкальском регионе в этот период привело к применению здесь общероссийского законодательства, регулирующего лесопользование. Институт юридической ответственности развивался параллельно с созданием аппарата лесопользования — в условиях неразвитости судебной системы преследование нарушителей лесного законодательства стало одним из приоритетных направлений в работе лесничеств.

Возрастание — достаточно резкое — количества заведенных лесничествами дел о правонарушениях в лесной сфере, особенно — по самовольным вырубкам, свидетельствует о начале формирования в крае системы лесоохраны. Постепенно работа лесничеств в этом направлении становится все более заметной, расширяется поле их деятельности. Динамика средних сумм штрафов — показателя, который указывает, помимо прочего, и на масштабы ущерба от деятельности «черных лесорубов» начала XX столетия — косвенно свидетельствует об этом. Показательно в этом плане мнение профессора Санкт-Петербургского лесного института А.Ф. Рудзкого, специалиста в области лесного устройства, автора около 200 научных трудов о лесном деле: «Большие порубки служат всегда несомненным признаком очень дурного управления, мелкие же порубки порядочная маломальская стража всегда сможет держать в известных границах» [7, с. 32]. Нельзя в полной мере сделать вывод о перманентном повышении эффективности борьбы с лесонарушителями, однако несомненно, что этот первый опыт сыграл положительную роль в регламентации лесопользования и сохранении лесов Прибайкалья.

Преследования нарушений, имевших место в ходе пользования лесами, возможны были двумя способами: порядком досудебного следствия и порядком судебного разбирательства. Большая часть инцидентов, связанных с нарушением лесного законодательства, в Иркутской губернии разрешалась административ-

ным порядком. Статистические отчеты лесничеств края в конце XIX — начале XX в. показывают, что приоритетной формой ответственности нарушителей лесного законодательства были денежные взыскания. Таким образом, развитие института юридической ответственности за нарушение лесного законодательства в Иркутской губернии (и, насколько можно судить по отрывочным данным — и в Забайкальской области) отличается закреплением в качестве основных ее функций провосстановительной (компенсационной) и организующей (регулятивной). Первая направлена не столько на наказание виновного, сколько на восстановление ущерба, причиненного им обществу, вторая свидетельствует о расширении государственных полномочий в сфере общественных отношений, связанных с использованием лесными ресурсами, до этого времени в Сибири фактически не регулируемой государственными структурами.

Список использованной литературы

1. Шишкин В.А. Особенности закрепления норм об ответственности за лесонарушения в «Уставе Лесном» (Ч. 1. Т. VII «Свода законов Российской империи») / В.А. Шишкин // Гуманитарные и юридические исследования. — 2017. — № 4. — С. 156–162.
2. Чуракин Б.Д. Уголовно-правовая охрана леса в дореволюционном законодательстве / Б.Д. Чуракин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — № 2 (52). — С. 103–109.
3. Навасардова Э.С. Ответственность за лесонарушения по законодательству Российской империи начала XX в. / Э.С. Навасардова // Общество и право. — 2009. — № 4 (26). — С. 89–93.
4. Курышова И.В. Правовое регулирование лесопользования в Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / И.В. Курышова // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2010. — Иркутск, Изд-во БГУ, 2010. — С. 185–191.
5. Курышова И.В. Правовая регламентация лесопользования в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. / И.В. Курышова // Евразийский юридический журнал — 2018. — № 8 (123). — С. 84–86.

6. Строгий А.А. О лесах Сибири / А.А. Строгий. — Санкт-Петербург : тип. СПб градоначальства, 1911. — 108 с.
7. Рудзкий А. Лесные беседы для русских лесовладельцев и лесничих / А. Рудзкий. — Санкт-Петербург, 1881. — 208 с.

References

1. Shishkin V.A. Features of Fixing the Norms of Responsibility for Forestry Violations in «The Forest Charter» (p. 1 vol. VIII «Code of Laws of the Russian Empire»). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and Legal Research*, 2017, no. 4, pp. 156–162. (In Russian).
2. Churakov D.B. Criminal-Law Protection of Forests in the Pre-Revolutionary Legislation. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2016, no. 2 (52), pp. 103–109. (In Russian).
3. Navasardova E.S. Responsibility for Forest Damage under the Law of the Russian Empire of the Beginning of the XX Century. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2009, no. 4 (26), pp. 89–93. (In Russian).
4. Kuryshova I.V. Legal Regulation of Forest Management in the Irkutsk Province in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2010 [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2010]*. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2010, pp. 185–191. (In Russian).
5. Kuryshova I.V. Legal Regulation of Forest Use in the Baikal Region in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 8 (123), pp. 84–86. (In Russian).
6. Strogii A.A. *O lesakh Sibiri* [About Siberian forests]. Saint Petersburg, 1911. 108 p.
7. Rudzkii A. *Lesnye besedy dlya russkikh lesovadel'tsev i lesnichikh* [Conversations about forests with Russian forest owners and foresters]. Saint Petersburg, 1881. 208 p.

Информация об авторе

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: kiw09@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1979-1247; SPIN-код: 5844-7619; AuthorID: 362482.

Author

Irina V. Kuryshova — Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kiw09@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1979-1247; SPIN-code: 5844-7619; AuthorID: 362482.

Для цитирования

Курьшова И.В. Из истории государственного регулирования общественных отношений в лесной сфере в Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий / И.В. Курьшова. — DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(2).302-319 // Историко-экономические исследования. — 2021. — Т. 22, № 2. — С. 302–319.

For Citation

Kuryshova I.V. From the History of the State Regulation of Public Relations in the Forest Sector in the Irkutsk Province at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2021, vol. 22, no. 2, pp. 302–319. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(2).302-319. (In Russian).